

МИР ТЕАТРА, КИНО И ЛИТЕРАТУРЫ

Владимир Соловьёв

**Иосиф
БРОДСКИЙ**

апофеоз одиночества

Москва, 2017

УДК 82.94

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Бродский И. А.

С60

Соловьёв, В.

С60 Иосиф Бродский. Апофеоз одиночества / В. Соловьёв. – М. : Т8RUGRAM / РИПОЛ классик, 2017. – 742 с. : ил. – (Мир театра, кино и литературы).

ISBN 978-5-519-60901-2

Владимир Соловьёв близко знал Иосифа Бродского с ленинградских времен. Этот том – итог полувековой мемуарно-исследовательской работы, когда автором были написаны десятки статей, эссе и книг о Бродском, – выявляет пронзительно-болевым камертоном его жизни и судьбы. Не триумф, а трагедия, которая достигла крещендо в поэзии. Эта юбилейно-антиюбилейная книга – к 75-летию великого трагического поэта нашей эпохи – дает исчерпывающий портрет Бродского и одновременно ключ к загадкам и тайнам его творчества.

Хотя на обложке и титуле стоит имя одного её автора, она немыслима без Елены Клепиковой – на всех этапах создания книги, а не только в главах, лично ею написанных. Как и предыдущей книге про Довлатова, этой, о Бродском, много поспособствовала мой друг, замечательный фотограф и художник Наташа Шарымова. Художественным редактором этой книги в Нью-Йорке был талантливый фотограф Аркадий Богатырев, чьи снимки и коллажи стали ее украшением.

Я благодарен также за помощь и поддержку на разных этапах работы Белле Билибиной, Сергею Браверману, Сергею Виннику, Саше Гранту, Лене Довлатовой, Евгению Евтушенко, Владимиру Карцеву, Геннадию Кацову, Илье Левкову, Маше Савушкиной, Юрию Середе, Юджину (Евгению) Соловьёву, Михаилу Фрейдлину, Науму Целесину, Изе Шапиро, Наташе Шапиро, Михаилу и Саре Шемякиным, а также моим постоянным помощникам по сбору информации X, Y & Z, которые предпочитают оставаться в тени – безымянными.

УДК 82.94

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Бродский И. А.

ВІС ВGL

ВІSAC ВІO007000

© Т8RUGRAM, оформление, 2017

© Соловьёв В., Клепикова Е., 2015

© ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик», 2017

ISBN 978-5-519-60901-2

*Иосифу Бродскому —
с любовью и беспощадностью*

Книга первая

Остров по имени Бродский

Бродский — это я!

Мысли вразброд — и врасплох

Ты — это я.

ИБ. Письмо Горацию

Я — это он.

ИБ об Одене

Это моя новая книга о Бродском. Не только в том смысле, что в ней сплошь новые тексты, но и старые, прежние, классические, хрестоматийные переписаны наново и обогащены, как уран. Вот-вот: разница, как между простым ураном и ураном обогащенным. Новые времена — новые песни? Опять-таки не только: в новые времена и старые песни поются по-новому. Окромя тех моих «песен», которые не подлежат изменениям, дабы сохранить их аутентичность, будь то моя горячая питерская исповедь «Три еврея», из которой для этой книги вычленены главы, напрямую связанные с Бродским, либо мой юбилейный ему адрес — единственный печатный отклик на его прижизненный полтинник. Не считая тех же «...евреев», которые под изначальным названием «Роман с эпиграфами» были изданы в Нью-Йорке к его 50-летию. Не просто моральное право, а моя творческая обязанность — отметить теперь его новый юбилей, увы, посмертный: 75! Юбилейная книга о Бродском. Своего рода юбилейный адрес в жанре и формате книги. Сие вовсе не значит, что это юбилейное издание — сплошь панегирик юбиляру. Отнюдь. Юбилейная книга, но без юбилейного глян-

ца. «Многоуважаемый шкаф...» — не мой жанр. Приветствовал бы эту книгу юбиляр? Без разницы. Эта книга не для него, а про него. Для живых, а не для мертвых. Вспоминаю, однако, что со своих ленинградских дней рождения Ося сбегал незнамо куда: ищи ветра в поле. А в родном нашем городе так иногда сквозило, что человек терял самого себя. Идея двойничества пришлась трижды переименованному городу в самый раз. Был ли у Бродского двойник? И не один. Человек не равен самому себе, об этом и пойдет речь.

Две большие разницы — идолопоклонство и любовь. Я следую завету моих далеких предков: не сотвори себе кумира. А потому, где и как могу, пытаюсь раскумирить и демифологизировать Бродского, в которого мы с Еленой Клепиковой были влюблены с давних питерских времен, когда общались с ним часто, тесно и на равных. Эта книга создана с ее помощью и без ее участия и соучастия немислима (спасибо, Лена!), но, в отличие от предыдущей — про Довлатова — книги авторского сериала под рабочим названием «Фрагменты великой судьбы», Лена сняла свое имя с обложки и титула ввиду несогласия с иными моими высказываниями. Скорее даже с их тоном, чем сутью. Свои собственные тексты она печатает в этой книге под своим именем — триптих, посвященный Бродскому, хоть и раскиданный по разным отсекам — см. оглавление и ищи в основном корпусе. Того стоит.

В чем, однако, мы с Леной Клепиковой сошлись: развенчание культа Бродского позарез — во имя любви к нему. Дабы спасти реального, знакомого, живого, близкого, любимого человека из-под завалов памятника, который должен быть разрушен, как Карфаген. ИБ — в данном случае JB (Joseph Brodsky) — часто повторял «plane of regard», то есть точка отсчета. Я избрал домашний plane of regard, интимный угол зрения. В таком подходе есть свои достоинства и свои недостатки, чему наглядным свидетельством эта книга.

Целевая установка автора: создать трагический образ большого русского поэта, нигде не выпрямляя ни его поэтический путь, ни его человеческую судьбу. Внутреннее задание автора самому себе — дать сложный, противоречивый, оксюморонный, амбивалентный, парадоксальный портрет, даже если симпатии, фанаты и фанатики Бродского сочтут эту юбилейную книгу антиюбилейной и съедят меня живьем. Что ж, вызываю огонь на себя — мне не привыкать. За мной не заржавеет — хоть уже вечер, но еще не ночь. А потому скажу заранее: пане-

гиристам Бродского лучше держаться подальше от этой юбилейно-антиюбилейной книги. Она не просто не для них — она им не по зубам. То есть не по мозгам. Чтобы я заинтересован был только в согласных читателях? Ни в коем разе. Но не в тех, которые относят своих любимцев к секте неприкасаемых.

Задача не из легких: сделать из памятника человека, чтобы Бродский снова стал похожим на самого себя, а не на монумент, стащить его с пьедестала, пробиться сквозь «бронзы многопудье» и «мраморную слизь» к живому человеку, каким автор знал его в личку и близко, и к его великим стихам, которые я люблю с общей нашей ленинградской молодости. Мы так его тогда и называли, с легкой руки поэта Лени Виноградова: ВР.

Великий Русский.

Пусть Бродский даже гений (допускаю), но не святой, а потому не «Житие святого Иосифа», но «Иосиф Бродский. Апофеоз одиночества». Нет, нет, не модная нынче патологография, но все-таки и не агнография! Да и не биография вовсе, хотя все признаки словесного байопика имеют место быть, но — портрет, которому авторизация покойника или его правопреемиков без надобности. Портрет Бродского, несколько отличный от его автопортретов в стихах и рисунках. На одном в лавровом венке — однако! В разговорах с друзьями он был более самокритичен, называл себя монстром и исчадием ада, пусть и не без кокетства:

— Достаточно взглянуть в зеркало... Достаточно припомнить, что я натворил в этой жизни с разными людьми.

Прошу прощения за старомодный термин: когнитивный диссонанс. Вот еще одна ссылка на моего героя:

Человек привык себя спрашивать: кто я? Там ученый, американец, шофер, еврей, иммигрант...

А надо бы все время себя спрашивать: — Не говно ли я?

«И среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он» — вот классическая формула поэта, увы. Кто из них время от времени не впадал в ничтожество? А из нас? Можно привести длинный

список поэтов, которых никак уж не назовешь святыми: злослов и всеобщий обидчик (включая своего будущего убийцу) Лермонтов, картежный шулер Некрасов, Фет, который довел до самоубийства брюхатую от него бесприданницу, отказавшись жениться, предавший Мандельштама в разговоре со Сталиным Пастернак, да и сам Мандельштам, заложивший на допросах читателей и слушателей его антисталинского стиха — мало ли! Бродский — не исключение. Что несколько не умаляет его поэтического подвига, благодаря которому он стал вровень с классиками русского стиха, одним из трех лучших наших поэтов прошлого века. Третьим — не только хронологически. С моей точки зрения, он уступает Мандельштаму и Пастернаку по богатству эмоциональной палитры и значению в отечественной поэзии, но его голос — самый трагический, он возвел трагедию на античный уровень. Его лучшие стихи, типа «Разговора с Небожителем», — для меня вровень с драмами Софокла. Вот уж полная лажа (одна из его любимых дефиниций) — относить это великое стихотворение к богоискательству, как это делает биограф-агиограф Лев Лосев (Леша Лифшиц, каковым он был для всех нас в Питере)! Какое, к черту, богоискательство, когда Бродский, разговаривая с Небожителем, низвел трагедию до уровня своей биографии — «Трагедия — событие биографическое», по его словам — и возвел катастрофу своей жизни на уровень античной трагедии.

Восприятие Бога у Бродского — опять-таки трагическое. Он называл себя кальвинистом, хотя я не уверен, что был прав, тем более его представление о кальвинизме поверхностное и приблизительное: на месте изначальной греховности человека у Бродского индивидуальное чувство вины. На мой взгляд, в глубине души и в отношениях с Богом он остался иудеем, недаром так любил Книгу Иова и сравнивал себя с ее героем. Даже его atonement — не только в Судный день! — скорее Jewish guilt, чем латинская mea culpa.

*Смотри ж, как, наг
и сир, жлоблюсь о Господе, и это
одно тебя избавит от ответа.
Но это — подтверждение и знак,
что в нищете
влачащий дни не утрашится кражи,*